

Ирина Юркина

**Гурий
Юркин**

**КОРЧАГИНЕЦ
С ОГНЕННЫМ
СЕРДЦЕМ**

Ирина Юркина

**Гурий Юркин – корчагинец
с огненным сердцем**

«Автор-Онлайн»

2016

Юркина И. Г.

Гурий Юркин – корчагинец с огненным сердцем /
И. Г. Юркина — «Автор-Онлайн», 2016

ISBN 978-5-9909995-3-4

Комсомольцы тридцатых годов, люди с горячими сердцами – все они были наследниками Павла Корчагина. Литературный герой, созданный Николаем Островским, стал образцом и путеводной звездой для сотен тысяч молодых людей, которые строили новое общество. Они были счастливы и свободны, боролись за новую жизнь и свято верили в идеалы коммунизма. У них была цель и, когда пришла война, они знали, что защищают. Гурий Николаевич Юркин – один из героев этого поколения, личность яркая, обаятельная. Он прошёл всю войну, был участником обороны Кавказа, Малоземельской эпопеи, Новороссийского десанта, событий на Керченской переправе. Как писала его жена: Совсем не гоняясь за славой, В боях не щадя головы, Он был в тех частях, что по праву Салют принимали Москвы. Книга «Корчагинец с огненным сердцем» – правдивый рассказ о Гурии Юркине, его жизни, его боевом пути. Большая часть книги – фактический материал, бесценные документальные свидетельства, к примеру, фронтовые письма Гурия Николаевича. Лирические отступления – стихотворения о любви и верности – органично дополняют правдивую историю борьбы и преодоления.

ISBN 978-5-9909995-3-4

© Юркина И. Г., 2016
© Автор-Онлайн, 2016

Содержание

От составителя	6
Огонь сердца	9
И. Г. Юркина	13
Детство, юность, предвоенные годы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ирина Гурьевна Юркина Гурий Юркин – корчагинец с огненным сердцем

Гурий Юркин, Армавир, 1935 год

От составителя

Эта книга посвящена моему отцу Гурию Николаевичу Юркину. Название книги – «Гурий Юркин – корчагинец с огненным сердцем» – не случайно. Николай Островский и герой его романа сыграли особую роль в жизни отца. И дело не только в том, что определённый период своей жизни он работал в музее Н.А. Островского в Сочи. Ещё до этого времени в 1936 году в Армавире он называет своего первенца Раймондом в честь героя «Рождённых бурей». Похоже уже тогда это был для Гурия Николаевича герой, с которого хотелось «делать жизнь», каким в своё время для самого Островского был Овод.

Не так давно я в разговоре с одним из друзей коснулась творчества Островского, его романа «Как закалялась сталь». Речь зашла о Боярке, о строительстве узкоколейки для спасения города от холодов в нечеловечески тяжёлых, экстремальных условиях. И тут я услышала: «Ну это же миф! Люди не могли выжить в таких условиях». Но это было! И дело не только в том, что они были здоровее, крепче, чем нынешнее поколение. Их цельность придавала им небывалую силу духа, которая позволяла совершать, казалось бы, невозможное. А сколько раз это было подтверждено во время Великой Отечественной войны, и, в частности, в личной биографии Гурия Николаевича Юркина! Нам нельзя забывать это.

Комсомолец с 1930 года, Гурий Николаевич принадлежал ко второму поколению корчагинцев. Так же, как и Николай Островский, и его герой Павел Корчагин, это были строители новой жизни, свято верившие в идеалы коммунизма. Но это поколение вступало в самостоятельную жизнь уже в иных условиях. Основы социализма были заложены, и молодёжь уже не знала жестокой эксплуатации, хотя хватало и трудностей, и лишений. Но они видели, что жизнь меняется, меняется к лучшему, верили в построение счастливого, справедливого общества. Они были мечтателями, свободными и счастливыми людьми. Свободными, потому что в новой жизни перед ними открывалось много возможностей, и они могли выбирать. Ещё «корчагинцы» 30-х годов, так же, как и Островский, очень хотели учиться и учились. Они были уверены, что знания дадут им больше возможностей в достижении целей, сделают их жизнь интереснее, ярче, полнее.

Эти люди имели цель в жизни: они любили свою Родину и хотели, чтобы жизнь здесь была счастливой. Они чувствовали себя частицей большой страны, верили в её будущее, и за неё, не колеблясь, могли отдать жизнь. А когда есть достойная цель жизни, которая объединяет большую часть общества, это счастье. Тут уже не страшны невзгоды и испытания, даже сама смерть. По большому счёту, эти люди были бессмертны, поскольку твёрдо верили, что цель будет достигнута, и люди будут жить счастливо. Это было важнее их личного существования.

Николай Островский был счастливым человеком. Это не парадокс – слепой, прикованный к постели, испытывающий сильные физические страдания Островский был счастлив. Меня поражают фотографии Островского последних лет, его улыбка на некоторых из них – она светлая! Ведь главным для него было то, что дело, за которое он боролся, побеждает, и что он, несмотря на болезнь, оставался в строю, был востребован и не терял связь с жизнью. Ему помогали это чувствовать многочисленные письма, которые он получал и на которые старался отвечать.

А без цели в жизни, без ощущения связи с другими и своей необходимости, человек жить не может, во всяком случае, не может быть счастлив. Приобретение дорогостоящей иномарки или каких-либо других материальных благ, комфорт, удовольствия, желание новых впечатлений и острых ощущений, известность – всё это не может быть целью жизни. Погоня за подобным только духовно опустошает.

Так же, как и первое поколение комсомольцев, комсомольцы 30-х не щадили себя. Наверное, по законам военного времени это правильно. Быть бесстрашным, не жалеть себя, не

бояться ни трудностей, ни боли, ни самой смерти – удел солдата. Но правильно ли когда тот, кто ведёт солдат, не жалеет их? Это очень сложный вопрос. С одной стороны, на войне живая сила – расходный материал, и не пролив крови, не выиграешь сражения. Но это люди, и здесь особая ответственность на военачальнике. Ответственность за то, чтобы не допустить лишних жертв, чтобы люди были накормлены, одеты и обуты должным образом. К сожалению, и не только во времена Островского, но и во время Великой Отечественной войны людей не всегда берегли.

Как-то в последние годы жизни отец в беседе со мной не без горечи заметил: «А ведь вы, в общем-то, ничего обо мне не знаете». Я тогда была поражена этими его словами: ведь, казалось, рассказы отца и его фронтовых друзей (а среди них были такие герои, как Райкунов, Ботылев) о боевых подвигах мы знали наизусть. Только когда Гурия Николаевича не стало, я поняла горькую правду его слов, почувствовала, как отца не хватает, о многом я его не спросила ... И вот теперь, много лет спустя, пытаюсь рассказать о его жизни, воссоздать образ этого красивого, цельного человека, я вновь и вновь понимаю, что очень многого не знаю. Поэтому пользуюсь и книгами о войне, и рассказами участников событий, и воспоминаниями близких.

Книгу начинает замечательная статья о Гурии Николаевиче сотрудницы музея Островского Татьяны Сергеевны Александровой. Эта статья, в какой-то степени, подсказала мне название книги. Я очень благодарна музею за то, что там хранят память об отце.

Далее следует мой подробный рассказ о жизни и боевом пути отца. Я назвала свою статью «Правофланговый». В военном строю правофланговый – это человек, на которого равняются, который задаёт направление движения. Таким и был Гурий Юркин в жизни. Политработа была его призванием, и главное, что он, как любой хороший комиссар, руководствовался правилом: «Делай, как я!»

Затем я включила материал, подготовленный Александром Юркиным – правнуком Гурия Николаевича (внук Валерия Гурьевича). В чём-то рассказ Саши повторяет мой, в чём-то – дополняет. Но мне кажется очень важным, что память остаётся и живёт уже в новых поколениях.

В книгу включены фрагменты воспоминаний Владимира Петровича Панкратова – замечательного человека, прошедшего войну со скрипкой в руках. Определённый период они служили с Гурием Николаевичем в одном батальоне 107-й стрелковой бригады, и Владимир Петрович вспоминает об отце с такой теплотой, так живо, что эти воспоминания я не могла не включить. 1942 год, формирование 107-й стрелковой в Волжске, бои на Брянском фронте – всё оживает на этих страницах.

Гурий Николаевич был талантливым лектором, пропагандистом «от бога», и дополняет книгу его лекция о Николае Островском 1943-44 годов.

Ещё в эту книгу я включила письма отца военного времени, большая часть из которых относится к 1942 году. Эти письма, написанные неразборчивым, торопливым почерком, зачастую ночью, иногда карандашом – документы времени, очень сложного для страны времени. Мне они особенно дороги, потому что со страниц этих писем звучит живой голос отца.

А завершает книгу подборка стихов военного времени Ираиды Константиновны, моей матери. Без них книга была бы неполной, так как вся любовь, нежность и страсть, которые звучат в письмах отца, оставались бы безответными.

Выражаю глубокую благодарность Елене Николаевне Щербачёвой за идею написания этой книги, Алексею Раймондовичу Юркину за помощь в сканировании фотографий из семейного альбома, Максиму Юркину – моему сыну – за дизайн обложки, Борису Михайловичу Негинскому – за корректуру и редакционные замечания.

Ирина Гурьевна Юркина, ноябрь 2016 г.

*Считаете, что знаем мы едва ли,
За что они бесстрашно воевали?
И молодость, и жизни отдавали?
НЕПРАВДА! Знаем! Всем известно здесь:*

*Они за нас, за нас, представьте, с вами
Собою амбразуры закрывали,
Ложась под танки, там себя взрывали,
За наше завтра. То, что есть*

*У нас сейчас. Их помним и гордимся,
Все те, кто в мирном времени родился,
Героям этим в пояс поклонимся
В их память, уважение и честь!*

Светлана Кузьмина

*Татьяна Сергеевна Александрова,
научный сотрудник музея Островского*

Огонь сердца

Есть такой армянский миф, написанный чудными стихами, о рождении Вага (кто-то вроде Зевса). Ваг родился в огне. «Гур» по-армянски – «огонь». «Гурий» по-мингрельски – «сердце». «У турецких горцев это означает «огненное сердце» или вернее – «огонь сердца», – писал с фронта своим недавним коллегам, сотрудникам музея Н. Островского в Сочи, молодой человек с огненным именем Гурий – Гурий Юркин. Для него этот миф был не просто красивой метафорой имени, миф стал «главной музыкальной темой партитуры жизни».

Шли первые дни войны, которую назовут Великой Отечественной. 8 июля 1941 года клавиши пишущей машинки музея Николая Островского отстучали приказ об увольнении младшего научного сотрудника Юркина Гурия Николаевича «в связи с призывом в ряды РККА». Так бывший «музейщик» стал политруком и горячим пропагандистом творчества Николая Островского.

Летом 1942 года старший политрук 107-й стрелковой бригады Г. Н. Юркин принял первый бой за родной Кавказ на Марухском перевале в составе 46 армии.

Осенью 1942 года 107-я стрелковая бригада вошла в состав 18 армии, оборонявшей Кавказ. Командование определило задачу: не давать врагу выйти к морю. Одно из ключевых направлений – выход через Островскую щель на Туапсинское шоссе – прикрывала бригада Гурия Юркина. Так получилось, что он защищал здесь Родину, родной город и семью, оставшуюся в Сочи (жену Ираиду, «Ирусю», и сыновей Раймонда и Валерия). Участие в боевых действиях в районе Туапсе было отмечено правительственными наградами: медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа».

В боях за Новороссийск капитан Гурий Юркин снова оказался на «передовой линии огня».

Он стал участником восьми боевых операций на Малой земле. Самая первая – в составе легендарного десанта под командованием Цезаря Куникова. О тех, кто участвовал в этой операции, фронтовой журналист и поэт Б. Котляров писал:

*Ты прошёл по дорогам немало,
Горный ветер тебя обжигал,
Ледяная вода у причала...
Но такой ты земли не видал,
Где б разрывы от края до края
И траву, и деревья смели,
Где бы люди дрались, не сгорая,
Среди огненной этой земли.*

В сентябре 1943 года в боях за Новороссийск Гурий Юркин участвовал в ночном штурме. К рассвету были захвачены здание вокзала, товарная станция, нефтебаза, три башни элеватора. 13 раз предпринимали гитлеровцы отчаянные контратаки. Рота автоматчиков выдержала натиск, но оказалась в окружении. И вот там, в башне элеватора, под обстрелом врага, когда сухари и вода, боеприпасы и силы людей были на исходе, Гурий, стараясь поддержать товарищей, читал им стихи своего любимого поэта В. Маяковского. Лишь через пять дней при поддержке частей 55 дивизии рота вышла из окружения. Прямо в здании освобождённого вокзала командующий черноморским флотом Л. А. Владимирский вручил Гурию Юркину орден Красного Знамени.

На вопрос сочинских коллег, за что его наградили, Гурий писал: «На эту тему как-то менее всего хочется разговаривать, а тем более – писать ... За последние месяцы провёл несколько литературных вечеров, посвящённых Николаю Островскому и Владимиру Маяковскому. Прошли удачно, хотя мне и достались тяжело. Ведь всё-таки многое забыто за эти годы войны. Шутка сказать, мы уже получили право писать «годы войны» (14 мая 1944 г.)

Высокопарных слов Гурий избегал. И если приходилось писать о страшных мгновениях, прибегал к шутливо-ироническим фразам: «Сейчас только что вернулся из очередной командировки. Попал в такой кордебалет, что думал, моему выступлению (лекция об Островском) не суждено будет состояться. Но всё, как видите, обошлось. И вот сейчас, волнуясь, думаю о предстоящем выступлении. Так хочется передать этим юношам всю прелесть революционного романтизма Корчагина, глубину души, высокую лирику и юношеский задор Павла, высокую нравственность». (18 мая 1944 г.)

Г. Н. Юркин в 1944 году

Фронтовые письма Г. Юркина не требуют комментариев. Они хороши сами по себе: неподдельностью чувств, яркостью и свежестью восприятия мира: «Боже мой, какой сегодня день!.. Отошла сирень и тюльпаны, и ландыши. Последний букет их у меня на столе... А вчера была такая чудная луна. В общем, война ещё более делает эстетом. Заглядывать вперёд трудно и для меня небезопасно, поэтому о будущем не разрешаю себе думать и фантазировать. Всё-таки война остаётся войной, и с «единицами» всякое может случиться». (4 июня 1944 г.)

К июню 1944 года позади был долгий фронтовой путь: Г. Юркин освобождал Тамань и Керчь, Крым и Закарпатье. В составе 4-го Украинского фронта прошёл с боями Польшу, Румынию, Венгрию, Чехословакию. Ираида Юркина, жена Гурия, напишет в стихотворении «Сыновьям»:

*Вы станете скоро большими
И помните крепко тогда,
Какие в года огневые
Отец проходил города.*

Сыновья осваивали географию по письмам отца: «Только на днях приехал из Берлина. Впечатлений – масса. Был на параде победы королевских войск Англии, который принимал Черчилль... Побывал на крыше Рейхстага... Разрушен он страшно... Был и в самой «берлоге»: в надземной и подземной резиденции Гитлера... Создалось какое-то законченное впечатление от нашего «заграничного похода». (26 июня 1945 г.)

В одном из фронтовых писем Гурий Юркин писал: «Боже мой! Как хочется учиться! Только не сейчас, конечно, а после войны, если, разумеется, жив останусь...». Он не изменит своей мечте: закончит сначала военно-политическую академию им. Ленина, а затем, заинтересовавшись социологией, защитит диссертацию на соискание учёной степени кандидата экономических наук. Будет работать в Московском институте мировой экономики и международных отношений и участвует в коллективной монографии «Городские средние слои».

Сочи, 22 июня 2006 года

* * *

И. Г. Юркина Правофланговый

Детство, юность, предвоенные годы

Гурий Николаевич Юркин родился 3 марта 1918 года в деревне Убеево Чувашской АССР. Отец – Николай Павлович Юркин, мать – Софья Бонифатьевна Тоябинская. Николай Павлович был родом с Вологодчины, из крестьян. Личность это была замечательная. Очень хотел учиться, чуть ли не пешком пришёл в Петербург и выучился на агронома.

Николай Павлович и Софья Бонифатьевна Юркины

Позже он был удостоен одного из первых орденов Ленина, как он, чуть посмеиваясь, говорил «за свёклу». Гурий Николаевич всегда очень гордился отцом и с нежностью называл его «папка» или «бать».

В двадцатые годы семья переехала в Ставропольский край, сначала в станицу Александровскую, где в 1924 году родилась Мария, младшая сестра Гурия Николаевича, третий ребёнок в семье (был ещё старший брат Юрий). К сожалению, вскоре после родов Софья Бонифатьевна умерла, и дети осиротели. Николай Павлович женился вторично. Его жена Екатерина Михайловна была женщина работящая, трудолюбивая, но суровая, с жёстким характером. Детям с мачехой было тяжело. Старший сын Юрий даже сбежал из дому, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Отец мало рассказывал о своих детских годах. В его автобиографии написано: «Трудовую деятельность начал в восемь лет. Был свинопасом, лаборантом, электромонтёром, начальником цехов пищевых заводов, научным сотрудником государственного литературного музея, лектором». Впечатляющий перечень, не правда ли? И всё это о довоенных годах, о детстве и

юности. А ещё он очень хотел учиться. Рассказывал, что, когда в восемь лет работал свинопасом, то брал с собой книжки, а, чтобы они не испачкались, старательно заворачивал их в газету.

Отец постарался пораньше уйти из дома в самостоятельную жизнь и поступил учиться в Вечерний химико-технологический техникум в Армавире. Там на курсе он был комсоргом (в комсомол он вступил в 1930 году), всеобщим любимцем. Но самыми близкими друзьями была неразлучная троица: Гурий (Гурчик), Лина (Линуся) и Ира (Ируся). Гурий был отчаянно и безответно влюблён в Лину, а Ируся поначалу была наперсницей. Но её сердечность, душевная глубина и теплота покорили его, и в 1936 году Гурий Николаевич женился на Ираиде Константиновне Иваненко. В ноябре того же года в Армавире появился на свет их первенец Раймонд, названный в честь героя «Рождённых бурей». Видимо, уже в те годы родители были увлечены творчеством Островского, а варианты Николай и Павел отклонила Евдокия Максимовна (мать Ираиды Константиновны) как «царские имена». По-домашнему брата звали просто Рамик или Рамусь.

Союз моих родителей был прежде всего союз друзей и единомышленников, но связывала их и нежная, глубокая любовь. Доказательство тому хотя бы письма отца с войны, где он благословляет судьбу за их встречу. Есть ещё такая романтическая история: как-то, в первые годы их совместной жизни, отец остановил проезжавшего мимо возчика и завернул во двор целый воз сирени. Сирень была по всему дому: в вёдрах, в ванне, повсюду... Правда потом весь месяц их кормила Евдокия Максимовна, так как отец потратил всю стипендию, но осталось это в памяти на всю жизнь. И мы, их дети, помним эту историю и очень любим сирень.

Родители окончили техникум; как лучшим студентам, им было предоставлено право продолжить образование, и они поступили на заочное обучение в МИФЛИ им. Чернышевского. Именно в эти годы отцу довелось поработать на пищевых заводах, и он, кстати, всегда гордился умением варить варенье – всё-таки химик-пищевик!

Позже семья переехала в Сочи, где Евдокия Максимовна работала в Дендрарии. Там, в Дендрарии, и жили определённый период. А работали Гурий Николаевич и Ираида Константиновна в музее Николая Островского научными сотрудниками и экскурсоводами.

Трое неразлучных друзей: Гурий, Ируся и Лина.

С женой Ирусей, 1936 год.

Ещё Ираида Константиновна работала внештатным сотрудником в газете, а Гурий Николаевич на сочинском радио.

Работе в музее Островского родители отдавались со всей страстью: они считали своим долгом передать молодёжи революционную романтику Островского, рассказать о его идеалах, о его борьбе. Музей стал их семьей, вторым домом. Хранится в домашнем архиве фотография Гурия Николаевича с Ольгой Осиповной Островской (матерью Николая Алексеевича). И ещё я храню два тома Островского: один – подаренный отцу музеем, и другой – с дарственной надписью Ольги Осиповны и Екатерины Алексеевны (сестры писателя). Нежная дружба долгие годы связывала всю нашу семью с секретарём Островского Александрой Петровной Лазаревой. Когда я приезжала к бабушке в Сочи (сначала маленькая, а позже уже студенткой), у нас обязательно были походы в музей, в Дендрарий и визит к Александре Петровне. У этой интеллигентнейшей женщины и в пожилые годы глаза светились молодостью. Удивительно красивым она была человеком и твёрдостью духа обладала нестигаемой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.